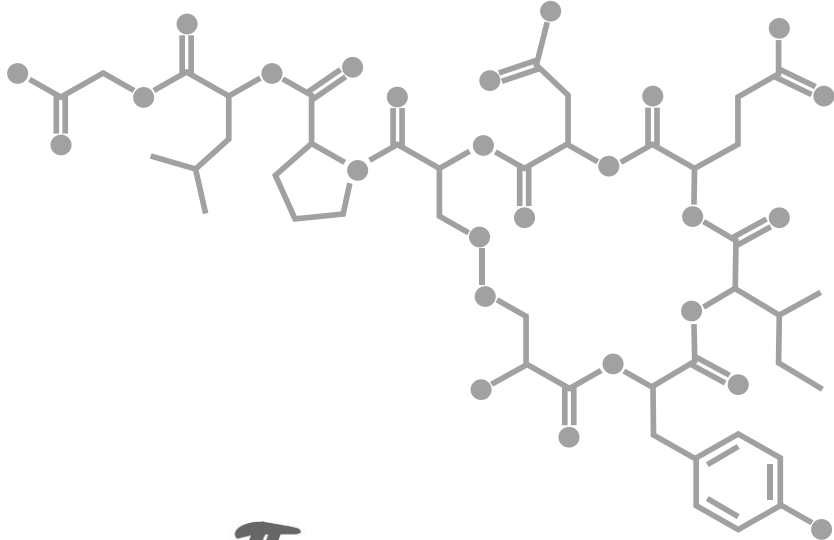

Гипóтеза (сущ.)

Предположение или предполагаемое объяснение, сделанное на основе ограниченных данных в качестве отправной точки для дальнейшего исследования.

Пример: «Основываясь на имеющейся информации и собранных до сих пор сведениях, я выдвигаю следующую гипотезу: чем дальше я буду держаться от любви, тем мне будет лучше».

Пролог

Если откровенно, Оливия не могла толком ничего решить по поводу аспирантуры.

Не потому, что ей не нравилась наука. Еще как нравилась. Наука была ее *призванием*. И не из-за множества очевидных факторов риска. Оливия прекрасно понимала, что долгие годы непрестижной, низкооплачиваемой работы по восемьдесят часов в неделю могут скверно сказаться на ее психическом здоровье. Что ночи, проведенные перед горелкой Бунзена в попытке добыть ничтожный кусочек знаний, возможно, не станут ключом к счастью. Что посвятить свой разум и тело научным изысканиям, лишь изредка прерываясь на то, чтобы стащить оставленный без внимания рогалик, — возможно, не самый мудрый выбор.

Оливия это прекрасно понимала, однако все эти обстоятельства ее не волновали. Или, может, чуть-чуть волновали, но она могла с ними справиться. И все же что-то мешало ей спуститься в самый жуткий и изматывающий круг ада: взяться за диссертацию. Вернее,

мешало до тех пор, пока она не пошла на собеседование на биологический факультет Стэнфорда и не встретила Того Парня.

Парня, чье имя она так и не узнала.

Парня, с которым она познакомилась, когда наугад забрела в первую попавшуюся уборную.

Парня, который спросил:

— Просто любопытно: вы плачете в моем туалете по какой-то особой причине?

Оливия взвизгнула. Потом попыталась открыть глаза, но ей это почти не удалось. Ее взгляд был затуманен. Она видела лишь размытый контур: кто-то высокий, темноволосый, одетый в черное и... да. Это все.

— Я... это женский туалет? — спросила она, запинаясь.

Пауза. Молчание. Затем:

— Не-а. — Голос у него был глубокий. Такой глубокий. По-настоящему глубокий. *Чарующе* глубокий.

— Вы уверены?

— Да.

— Точно?

— Абсолютно, поскольку это туалет моей лаборатории.

Что ж. Он загнал ее в угол.

— Мне так жаль. Вам нужно... — Она указала в сторону кабинок или туда, где, по ее мнению, находились кабинки.

Глаза щипало, даже когда они были закрыты, и Оливии пришлось зажмуриться, чтобы притупить жжение. Она попыталась вытереть щеки рукавом, но ткань ее платья, дешевая и хлипкая, почти не впитывала влагу — хлопок справился бы куда лучше. Ах, эти радости нищеты.

— Мне просто нужно слить реагент, — ответил Парень, но, кажется, не двинулся с места.

Может быть, потому, что она загоразивала раковину. Или потому, что Оливия показалась ему чокнутой и он подумывал натравить на нее охрану кампуса. И тогда ее мечтам об аспирантуре наступит быстрый и жестокий конец.

— Это помещение не используется как туалет. Тут только утилизируют отходы и моют оборудование.

— О, простите. Я думала... — Мало. Мало она думала, как и обычно. Это было ее проклятием.

— Вам нужна помощь?

Судя по всему, ее собеседник был огромного роста: его голос словно доносился с трехметровой высоты.

— Нет, все в порядке. А что?

— Вы плачете. В моем туалете.

— О, я не плачу. Ну, в некотором роде да, но это просто слезы, понимаете?

— Не понимаю.

Оливия вздохнула и прислонилась к кафельной стене.

— Это из-за контактных линз. Они давно просрочены, да и особо хорошими никогда не были. Они раздражали глаза. Я сняла их, но... — Она пожала плечами. Надеюсь, что жест был обращен в нужную сторону. — Они приходят в норму не сразу.

— Вы надели просроченные линзы? — Его голос звучал так, будто она нанесла ему личную обиду.

— Совсем немного просроченные.

— Что значит «немного»?

— Не знаю. На пару лет?

— *Что?!* — Согласные звучали резко и четко. Хрустяще. Приятно.

— Всего пару, я думаю.

— Всего пару *лет*?

— Все в порядке. Сроки годности — для слабаков.

Резкий звук, что-то вроде фырканья.

— Сроки годности нужны для того, чтоб я не нахо-
дил вас рыдающей в углу своего туалета.

Если этого чувака звали не мистер Стэнфорд, ему сто-
ило прекратить уже называть это место «своим туалетом».

— Все в порядке. — Она махнула рукой. И заката-
ла бы глаза, если бы они не горели. — Жжение обычно
длится всего несколько минут.

— Хотите сказать, что вы и раньше так делали?

Оливия нахмурилась.

— Как «так»?

— Надевали просроченные линзы.

— Конечно. Они стоят недешево.

— Глаза тоже стоят недешево.

Хм. Резонно.

— Послушайте, мы не встречались? — спросила
Оливия. — Может, прошлым вечером, на ужине для по-
тенциальных аспирантов?

— Нет.

— Вас там не было?

— Это не мое.

— А как же бесплатная еда?

— Не стоит светских разговоров.

Может, он сидел на диете — ну какой аспирант
иначе скажет подобное? А Оливия была уверена, что
этот парень — аспирант. Надменный снисходитель-
ный тон выдавал его с головой. Все аспиранты были
такими. Они считали себя лучше окружающих лишь
потому, что их наделили сомнительным преимуще-
ством: убивать во имя науки плодовых мушек и полу-
чать за это девяносто центов в час. В мрачном, тем-
ном аду научного мира аспиранты занимали низшую
ступень иерархии, и потому им приходилось убеждать
себя, будто они — лучшие. Оливия не была клиниче-
ским психологом, но, по ее мнению, такое поведение
выглядело как хрестоматийная защитная реакция.

— Вы проходите собеседование в аспирантуру? — спросил Парень.

— Ага. На поток следующего года по биологии. — Боже, как же жгло глаза. — А вы? — спросила она, прижав к векам ладони.

— Я?

— Как давно вы тут?

— Тут? — Пауза. — Шесть лет. Плюс-минус.

— О. Значит, скоро защита?

— Я...

Она уловила неуверенность в его голосе и тут же почувствовала себя виноватой.

— Погодите, вы не обязаны отвечать. Первое правило аспиранта: не спрашивай у других аспирантов о дедлайнах по диссертации.

Прошла секунда. Еще одна.

— Верно.

— Прошу прощения. — Как жаль, что она его не видела. Общаться и так сложно, а тут еще приходилось вести беседу без визуальных подсказок. — Не хотела уподобляться вашим родителям на День благодарения.

Он тихо рассмеялся.

— У вас бы и не получилось.

— О. — Она улыбнулась. — Назойливые родители?

— А дни благодарения — еще хуже.

— Вот чего вы, американцы, добились, оставив Содружество наций. — Она протянула руку, надеясь, что сделала это в нужном направлении. — Кстати, я Оливия.

Она уже начала гадать, не представилась ли водопроводной трубе, и тут услышала, как Парень подходит ближе. Рука, обхватившая ее ладонь, была сухой, теплой и такой большой, что в ней поместился бы весь ее кулак. Должно быть, все в нем внушительно — рост, пальцы, голос.

Это было даже приятно.

— Вы не американка? — спросил он.

— Канадка. Слушайте, если вам случится поговорить с кем-нибудь из приемной комиссии, не могли бы вы не упоминать о моем инциденте с линзами? А то я покажусь им не таким уж блестящим соискателем.

— Вы так думаете? — спросил он со скрытой насмешкой.

Оливия пронзила бы его взглядом, если бы могла. Хотя, вероятно, она и так неплохо справилась, потому что он рассмеялся — точнее, чуть усмехнулся, но она расслышала. И это ей даже понравилось.

Парень отпустил ее руку, и она поняла, что все это время сжимала его ладонь. Упс.

— Планируете поступать? — спросил он.

Оливия пожала плечами.

— Не факт, что меня возьмут.

Но она действительно поладила с преподавательницей, которая проводила собеседование, доктором Аслан. Оливия запинаясь и мямлила гораздо меньше обычного. Кроме того, ее средний балл и оценки на вступительных экзаменах были почти идеальны. Иногда отсутствие личной жизни играло на руку.

— Планируете ли вы поступать, если пройдете отбор?

Отказываться было бы глупо. В конце концов, это же Стэнфорд — одна из лучших аспирантур по биологии. Или, по крайней мере, так твердила себе Оливия в попытках скрыть ужасающую правду.

Ведь на самом деле она так и не решила, хочется ли ей в аспирантуру.

— Я... может быть. Честно говоря, трудно разобрать, что в этой ситуации блестящий карьерный выбор, а что — трагическая ошибка.

— Похоже, вы склоняетесь к ошибке. — Казалось, он улыбался.

— Нет. Ну... Я просто...

— Вы просто?..

Она закусил губу.

— Что, если я не потяну? — выпалила она.

Почему, о боже, *почему* она открыла самые глубинные тайные страхи своего маленького сердца этому случайному парню в туалете? Да и какой вообще в этом был смысл? Всякий раз, когда она высказывала свои сомнения друзьям и знакомым, те автоматически начинали подбадривать ее одинаковыми банальными и бессмысленными фразами: «Все будет хорошо. Ты сможешь. Мы в тебя верим». Этот парень наверняка сделает то же самое.

Вот сейчас он скажет...

Вот-вот. С секунды на секунду...

— Зачем вам это нужно?

Э-э-э-э...

— Нужно... что?

— Получить степень. Какова причина?

Оливия откашлялась.

— У меня всегда был пылливый ум, аспирантура для него — идеальная среда. Она даст мне важные навыки широкого применения...

Парень фыркнул.

— Что? — спросила она, нахмурившись.

— Не надо пересказывать методичку по подготовке к поступлению. Зачем *вам* докторская степень?

— Это правда, — неуверенно возразила она. — Я хочу отточить свои исследовательские способности...

— Потому что не знаете, чем еще заняться?

— Нет.

— Потому что не получилось устроиться в фирму?

— Нет... Я даже не пыталась.

— Хм.

Он шагнул вперед. Большая размытая фигура встала возле нее, чтобы вылить что-то в раковину. Оливия по-

чувствовала запах эвгенола, стирального порошка и чистой мужской кожи. Неожиданно приятное сочетание.

— Мне нужно больше свободы, чем в корпоративном мире.

— У вас не будет особой свободы в академии. — Его голос звучал ближе, как будто он еще не отошел. — Придется финансировать свою работу за счет исследовательских грантов, за которые идет нелепая борьба. На любой офисной работе вам будут платить больше, к тому же тогда слово «выходные» не будет для вас пустым звуком.

Оливия нахмурилась.

— Вы уговариваете меня отказаться? Это что, какая-то кампания против тех, у кого линзы с истекшим сроком годности?

— Не-а. — Она услышала, что ее собеседник улыбается. — Позволю себе предположить, что это была просто ошибка.

— Я ношу их постоянно, и они почти никогда...

— В длинной череде ошибок, очевидно. — Он вздохнул. — Вот что я вам скажу. Я понятия не имею, потянете вы или нет, но не это должно вас волновать. Академия — это куча вложений с мизерным выхлопом. И важно, достаточно ли веские у вас причины для того, чтобы стремиться в академические круги. Итак, почему же аспирантура, Оливия?

Она задумалась, и еще подумала, а потом — еще. И осторожно начала:

— У меня есть вопрос. Конкретный вопрос для исследования. Я кое-что хочу выяснить. — Вот. Готово. Это и был ответ. — Что-то, что, я боюсь, никто не откроет, кроме меня.

— Вопрос?

Оливия почувствовала движение воздуха и поняла, что теперь Парень стоит, прислонившись к раковине.

— Да. — Во рту у нее пересохло. — Кое-что важное для меня. И... я не доверю это никому больше. Потому что никто до сих пор этим не занимался. Потому что... — *Потому что случилось нечто ужасное. Потому что я хочу сделать все от меня зависящее, чтобы такого больше не происходило.*

Тяжело было думать об этом в присутствии незнакомца, в темноте под закрытыми веками. Поэтому она открыла глаза: все оставалось слегка размытым, но жжение почти прошло. Парень смотрел на нее. Может, немного нечеткий по краям, но такой *близкий*, он терпеливо ждал, пока она продолжит.

— Это важно для меня, — повторила она. — Исследование, которое я хочу провести.

Оливии было двадцать три, и она была одна в целом мире. Она не хотела выходных или достойной зарплаты. Она хотела повернуть время вспять. Она не хотела быть такой одинокой. Но поскольку это было невозможно, она решила, что хочет исправить то, что можно исправить.

Он кивнул, но ничего не сказал, потом выпрямился и сделал несколько шагов по направлению к двери. Очевидно, он собирался уйти.

— Это достаточно веская причина, чтобы пойти в аспирантуру? — крикнула она ему вслед, ненавидя себя за то, что так страстно жаждет одобрения. Вполне возможно, что у нее был какой-то экзистенциальный кризис.

Парень помедлил и оглянулся.

— Это лучшая причина. — Она решила, что он улыбается. Или что-то вроде того. — Удачи на собеседовании, Оливия.

— Спасибо.

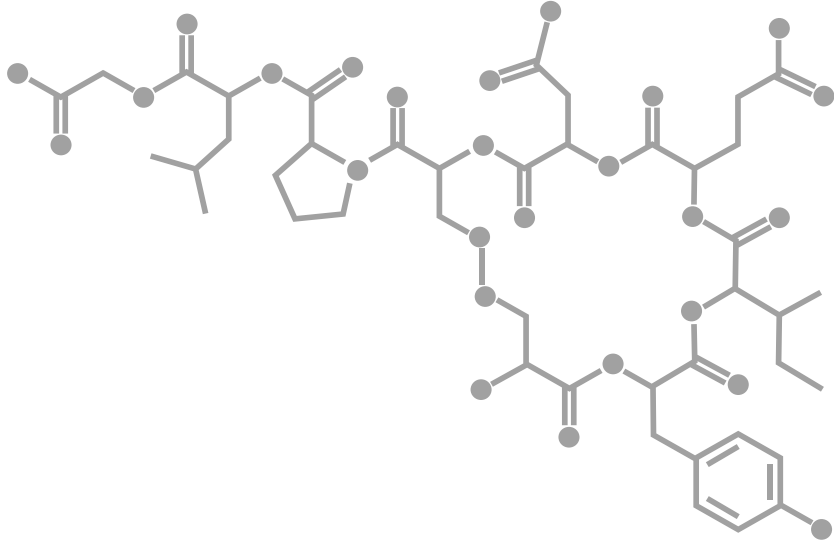
Он уже почти вышел.

— Может, увидимся в следующем году, — пробормотала она, слегка покраснев. — Если я пройду. Если вы еще не выпуститесь.

— Может быть, — услышала она в ответ.

С этими словами Парень ушел. А Оливия так и не узнала его имени. Но через несколько недель, когда биологический факультет Стэнфорда предложил ей место, она приняла предложение. Не колеблясь.

Гипотеза: когда мне предоставляется выбор между А (несколько неудобной ситуацией) и В (полный бардак с разрушительными последствиями), я в конечном счете непременно выберу В.

Два года и одиннадцать месяцев спустя

В защиту Оливии следует заметить, что мужчина, кажется, не слишком возражал против поцелуя. Ему, правда, потребовалось некоторое время, чтобы прийти в себя — учитывая внезапность, его можно было понять. Это была неловкая, неудобная, несколько болезненная минута, в течение которой Оливия прижималась губами к его губам. Чтобы ее рот оказался на уровне его лица, ей пришлось изо всех сил тянуться вверх, стоя на носочках. Ну вот почему он такой высокий? Поцелуй, должно быть, выглядел так, будто она неуклюже пыталась его боднуть, и она начала беспокоиться, что ее план не сработает. Ее подруга Ань, которую Оливия увидела

несколько минут назад, с первого взгляда поймет, что у них с Поцелованным Чуваком никакого не свидание.

А потом это мучительно медленное мгновение прошло, и поцелуй стал... другим. Мужчина резко вдохнул и чуть склонил голову, отчего Оливия перестала чувствовать себя помесью белки и обезьяны, которая лезет на пальму, а его руки — большие и приятно теплые в холодном кондиционированном коридоре — сомкнулись на ее талии. Они скользнули вверх на несколько сантиметров, обхватили грудную клетку Оливии и прижали ее к себе. Не слишком тесно, но крепко.

Как надо.

Это был скорее долгий, чем глубокий поцелуй, но было довольно приятно, и за несколько секунд Оливия успела о многом забыть, включая тот факт, что она прижимается к случайному незнакомцу. И что у нее едва хватило времени прошептать: «Можно я вас поцелую?» — прежде чем прижаться губами к его губам. И все это представление она устроила в надежде обмануть Ань — ее лучшую в мире подругу.

Но хороший поцелуй творит чудеса: девушка может на какое-то время забыть обо всем на свете. Оливия поняла, что растекается по широкой, крепкой груди, на которую так приятно было опереться. Она провела руками по твердой линии подбородка и запустила пальцы в удивительно густые и мягкие волосы, а потом... потом она услышала собственный вздох, как будто ей уже не хватало воздуха, и вот тогда ее словно кирпичом по голове ударило... Нет. Нет.

Нетушки, *нет*.

Нельзя получать от этого удовольствие. Какой-то незнакомый чувак, вот это все. Оливия сделала резкий вдох, отстранилась и начала отчаянно искать взглядом Ань. Одиннадцать часов вечера, голубоватый свет в коридоре биологических лабораторий, и ее подруги нигде

не видно. Странно. Оливия была уверена, что видела ее за несколько секунд до этого.

Поцелованный Чувак, приоткрыв губы, стоял прямо перед ней, грудь его вздымалась, в глазах мерцал странный свет, и в тот момент она поняла чудовищность того, что только что сделала. *Кого* она только что...

Гребанный трындец.

Просто жель.

Потому что доктор Адам Карлсен был известным мудаком.

Само по себе это мало кого могло удивить, поскольку в академических кругах от любого, кто стоял выше уровня аспиранта — выше Оливии, к сожалению, — требовалась определенная степень сволочизма, чтобы удержаться на своем месте хоть какое-то время, а штатные преподаватели составляли верхушку этой сволочной пирамиды. Доктор Карлсен, однако, превосходил их всех. По крайней мере, по слухам.

Именно из-за него Малькольму, соседу Оливии, пришлось полностью отказаться от двух исследовательских проектов и, скорее всего, отложить защиту на год. Именно из-за него Джереми блевал от волнения перед квалификационным экзаменом. Доктор Карлсен был единственной причиной, по которой половине студентов биофака пришлось отложить защиту дипломов. Джо, одноклассник Оливии, еженедельно водивший ее смотреть европейские фильмы плохого качества с микроскопическими субтитрами, был аспирантом-исследователем в лаборатории Карлсена, но спустя полгода бросил аспирантуру «по личным обстоятельствам». Видимо, это было правильным решением, поскольку у большинства оставшихся аспирантов Карлсена вечно дрожали руки, а выглядели они так, будто уже год не спали.

Доктор Карлсен, может, и был рок-звездой академического мира и вундеркиндом в биологии, но еще он

вечно ходил злой и всем недовольный и, судя по его интонациям и поведению, считал, что, кроме него, никто на биофаке Стэнфорда не занимается настоящей наукой. А может быть, и во всем мире. Все знали, что он невыносимый мудила, и все его боялись.

А Оливия только что его поцеловала.

Она не знала, сколько длилось молчание... Она была уверена только в том, что нарушил его Карлсен. Он стоял перед Оливией, до смешного устрашающий, с темными глазами и еще более темными волосами, глядя вниз с почти двухметровой высоты — он был выше ее сантиметров на двадцать. Карлсен хмурился — с таким выражением Оливия видела его на кафедральных семинарах. Оно обычно появлялось перед тем, как он поднимал руку, чтобы указать на какой-то роковой недостаток в работе докладчика. Оливия слышала однажды, как ее научрук назвал его «Адам Карлсен, разрушитель научных карьер».

Все в порядке. Все хорошо. Все в полном порядке. Она просто притворится, будто ничего не случилось, вежливо кивнет ему и потихонечку уберется отсюда. *Да, надежный план.*

— Вы... Вы что, поцеловали меня? — Он, кажется, удивился и, возможно, даже немного задыхался. Губы у него были полные, припухшие, и... Боже. Целованные. Оливия никак не смогла бы отрицать то, что только что сделала.

Но все же стоило попробовать.

— Нет.

К ее удивлению это, кажется, сработало.

— А. Тогда ладно. — Карлсен кивнул и повернулся, кажется, слегка растерявшись. Сделал пару шагов по коридору и добрался до фонтанчика с водой, к которому, вероятно, и направлялся изначально.

Оливия уже почти поверила, что ей это сойдет с рук, но тут он остановился и обернулся с недоверчивым видом:

— Вы уверены?

Вот блин.

— Я... — Она закрыла лицо руками. — Все не так, как кажется.

— Ладно. Я... Ладно, — медленно повторил он. Голос у него был глубокий и низкий и звучал так, будто он вот-вот взбесится. Как будто он уже взбесился. — Что вообще происходит?

Она просто не могла ему этого объяснить. Любой нормальный человек счел бы положение Оливии странным, но Адам Карлсен, который, очевидно, считал эмпатию багом, а не нормальным человеческим качеством, никогда не смог бы этого понять. Она уронила руки и сделала глубокий вдох.

— Я... послушайте, не хочу грубить, но это вообще не ваше дело.

Он смотрел на нее минуту, затем кивнул.

— Да. Конечно. — Должно быть, он уже пришел в себя, поскольку тон из удивленного снова стал обычным, сухим. Отрывистым. — Тогда я вернусь к себе в кабинет и начну составлять жалобу по Девятому разделу.

Оливия вздохнула с облегчением.

— Да. Это было бы здорово, потому что... Стоп, что? Карлсен вздернул подбородок.

— Девятый раздел — это федеральный закон, защищающий от сексуальных домогательств в академических учреждениях...

— Я знаю, что такое Девятый раздел.

— Понятно. То есть вы сознательно решили им пренебречь.

— Я... Что? Нет-нет, что вы!

Он пожал плечами.

— Наверное, я ошибся. На меня, должно быть, набросился кто-то другой.

— Набросился... Я на вас не набрасывалась.

— Вы поцеловали меня.

— Но не *по-настоящему*.

— Без моего предварительного согласия.

— Я *спросила*, могу ли я вас поцеловать!

— А затем сделали это, не дождавшись моего ответа.

— Что? Вы сказали «да».

— Прошу прощения?

Оливия нахмурилась.

— Я спросила, могу ли поцеловать вас, и вы сказали «да».

— Неверно. Вы спросили, можете ли поцеловать меня, и я фыркнул.

— Я *практически уверена*, что вы сказали «да».

Он приподнял бровь, и на минуту Оливия позволила себе помечтать об утоплении. Утопить доктора Карлсена. Или утопиться самой... Оба варианта казались заманчивыми.

— Послушайте, я очень извиняюсь. Это была неловкая ситуация. Мы можем просто об этом забыть?

Он внимательно смотрел на нее. На его угловатом лице застыло серьезное выражение, и было что-то еще, что она не могла до конца расшифровать, потому что была слишком занята, снова и снова отмечая про себя, какой он высокий и крупный. Просто огромный. Оливия всегда была хрупкой, почти чересчур худой, но девушки ростом 173 сантиметра редко чувствуют себя миниатюрными. По крайней мере, до тех пор, пока не оказываются рядом с Адамом Карлсеном. Она, конечно, знала, что он высокий: видела его на факультете и на территории кампуса, иногда оказывалась с ним в лифте, — но они никогда не разговаривали. Никогда не находились так близко друг к другу.

Если не считать того момента секунду назад, Оливия. Когда ты почти сунула язык ему...

— Все в порядке? — в его голосе почти прозвучало беспокойство.

— Что? Да-да, все отлично.

— Потому что, — спокойно продолжил он, — поцелуй с незнакомцем в полночь в научной лаборатории может быть признаком того, что это не так.

— Это так.

Карлсен любезно кивнул.

— Очень хорошо. Тогда ждите письма в ближайшие несколько дней. — Он прошел мимо нее, и она повернулась, чтобы крикнуть ему вслед.

— Вы даже не спросили моего имени!

— Уверен, любой бы смог вычислить его, поскольку вы воспользовались пропуском, чтобы попасть в лабораторию в нерабочее время. Доброй ночи.

— Постойте! — Она протянула руку, схватив его за запястье, чтобы остановить. Он тут же замер, хотя очевидно было, что ему не составит труда освободиться, и пристально уставился туда, где ее пальцы смыкались на его коже: как раз под наручными часами, которые, вероятно стоили половину ее годовой зарплаты. Или всю годовую зарплату.

Она тут же отпустила его руку и отступила назад.

— Прошу прощения, я не хотела...

— Поцелуй. Объяснитесь.

Оливия прикусила нижнюю губу. Она сильно облажалась. Нужно было объяснить ему все прямо сейчас.

— Ань Фам. — Оливия оглянулась: требовалось убедиться, что Ань действительно ушла. — Девушка, которая проходила мимо. Она аспирантка на биофаке.

Карлсен никак не отреагировал: непонятно было, знает ли он ее.

— Ань... — Оливия заправила прядь своих каштановых волос за ухо. На этом моменте история становилась дурацкой. Запутанной и какой-то подростковой. — Я встречалась с парнем с факультета, Джереми Лэнгли, он рыжий и работает с доктором... Неважно, у нас была

всего пара свиданий, а потом я привела его на день рождения Ань, и они вроде как понравились друг другу, и...

Оливия закрыла глаза. Что, кажется, было плохой идеей, потому что перед глазами снова встала картина: ее лучшая подруга и парень, с которым у нее свидание, шутят друг с другом в боулинге, как будто знакомы всю жизнь, у них никогда не заканчиваются темы для разговоров, а потом, в конце вечеринки, Джереми следит взглядом за каждым движением Ань. Было до боли очевидно, кто ему на самом деле нравится. Оливия махнула рукой и попыталась улыбнуться.

— Если коротко, после того как мы решили расстаться, Джереми пригласил Ань на свидание. Она отказала из-за всех этих правил женской солидарности и всего такого, но я ручаюсь, что он ей *очень* нравится. Она боится ранить мои чувства, и, сколько я ни говорю, что все в порядке, она мне не верит.

«Не говоря уже о том, что на днях я подслушала ее разговор с нашим другом Малькольмом. Она считает Джереми потрясающим, но никогда не сможет предать меня и начать с ним встречаться, и она была так подавлена. Она была такая унылая и неуверенная — совсем не похожа на ту отважную, яркую Ань, к которой я привыкла».

— Так что я просто солгала ей и сказала, что уже кое с кем встречаюсь. Потому что она одна из самых близких моих подруг, и я никогда не видела, чтобы ей так нравился парень, и я хочу, чтобы у нее было все то хорошее, чего она заслуживает, и я уверена, что она бы сделала для меня то же, и... — Оливия поняла, что говорит бессвязно, а Карлсену все равно. Она замолкла и сглотнула, хотя во рту у нее пересохло. — Сегодня вечером. Я сказала ей, что иду на свидание *сегодня вечером*.

— Вот как. — По его лицу ничего нельзя было понять.

— Но у меня нет сегодня свидания. И я решила прийти сюда, поработать над экспериментом, но и Ань внезапно тут появилась. Она не собиралась быть здесь. Но была. Шла сюда. И я запаниковала... вот. — Оливия провела рукой по лицу. — Я не подумала.

Карлсен ничего не сказал, но в глазах его читалось: «Очевидно».

— Мне просто нужно было, чтобы она поверила, будто у меня свидание.

Он кивнул.

— И вы поцеловали первого, кого увидели в коридоре. Совершенно логично.

Оливия поморщилась.

— Когда вы так говорите, кажется, что это не лучшее мое решение.

— Наверное, не лучшее.

— Но и не худшее! Я практически уверена, что Ань нас видела. Теперь она будет считать, что у меня было свидание с вами, и, надеюсь, будет чувствовать себя вправе пойти на свидание с Джереми, и... — Она покачала головой. — Послушайте. Мне правда очень стыдно за этот поцелуй.

— Неужели?

— Пожалуйста, не надо на меня жаловаться. Я правда подумала, что вы сказали «да». Клянусь, я не хотела...

Внезапно на нее обрушилось осознание того, что она только что сделала. Она поцеловала случайного парня, который оказался самым знаменитым из всех неприятных преподавателей биологического факультета. Она приняла фырканье за согласие, она фактически напала на него в коридоре, и теперь он смотрел на нее таким странным, задумчивым взглядом, такой большой, сосредоточенный, он стоял так близко, и...

Вот дерьмо.

Возможно, время было слишком позднее. Возможно, проблема заключалась в том, что кофе в последний раз она пила шестнадцать часов назад. Возможно, виноват был Адам Карлсен, глядящий на нее сверху вниз *вот так*. Но внезапно все это стало просто невыносимым.

— На самом деле вы абсолютно правы. И мне очень жаль. Если вам это показалось сексуальным домогательством, вам действительно стоит написать рапорт, это будет совершенно справедливо. Это был ужасный поступок, хотя я и правда не хотела этого делать. Не то чтобы мои намерения что-то значили, важнее то, как вы восприняли...

Дерьмо, дерьмо, дерьмо.

— Я пойду, хорошо? Спасибо вам и, пожалуйста, пожалуйста, простите. — Оливия развернулась и побежала по коридору.

— Оливия, — услышала она за спиной. — Оливия, подождите...

Она не остановилась, кубарем скатилась по лестнице на первый этаж, выбежала из здания и понеслась по плохо освещенным дорожкам кампуса Стэнфордского университета мимо девушки с собакой и группы смеющихся студентов у библиотеки. Она бежала, пока не оказалась перед дверью своей квартиры, остановившись лишь затем, чтобы отпереть ее, и бросилась прямо в свою комнату, надеясь избежать встречи с соседом и с очередным его гостем, которого он потенциально мог привести домой этим вечером.

Только когда Оливия рухнула на постель, уставившись на светящиеся в темноте звезды, приклеенные к потолку, она поняла, что забыла проверить своих лабораторных мышей. Еще она оставила где-то в лаборатории на скамейке ноутбук и толстовку и вдобавок

напрочь забыла заскочить в магазин за кофе, который обещала Малькольму к завтрашнему утру.

Дерьмо. Что за ужасный день.

Оливия так и не осознала, что доктор Адам Карлсен — известный своим сволочизмом — окликнул ее по имени.

